

Альтер М.

**Тишина
в
спальне**

Альтер М. Тишина в спальне

<https://litres.ru/74142439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна просыпается каждое утро в идеально чистом доме, с горячим завтраком на столе и без мужа. Андрей исчезает каждую ночь, не оставляя следов. Ведя дневник, чтобы поймать момент, Анна находит записи, сделанные её рукой год назад: «Это не он исчезает. Это я убиваю его каждую ночь и ничего не помню». Психологический триллер о двойственности души, тайнах памяти и тёмной стороне, которая живёт в каждом из нас.

Содержание

Глава 1. Пряный запах лаванды	4
Глава 2. Шёпот за дверью	21
Глава 3. Лицом к лицу	47
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Альтер М.

Тишина в спальне

Глава 1. Пряный запах лаванды

Пробуждение всегда было резким, лишённым той блаженной утренней неги, о которой пишут в романах. Анна не просыпалась — она всплывала на поверхность реальности, как утопающая, которую грубо выдернули за волосы из тёмной воды. Сердце колотилось где-то в горле, а лёгкие горели, словно она и впрямь только что провела вечность без воздуха. Первое, что она почувствовала, был запах. Лаванда. Слишком пряная, концентрированная, она забивала ноздри, вызывая лёгкую дурноту. Запах свежести, доведённый до абсолюта, до той грани, где он становится химическим, мёртвым.

Вторым ощущением стала тишина. Абсолютная, вязкая тишина в спальне. Обычно по утрам в доме гуляли звуки: шум воды в трубах, если Андрей принимал душ раньше неё, приглушённый звон посуды на кухне, шорох страниц его вечного блокнота. Сегодня не было ничего. Только гулкая пустота, которая давила на барабанные перепонки. Анна медленно повернула голову. Подушка рядом с ней была идеально взбита, без единой вмятины. Одеяло натянуто с гео-

метрической точностью, без складок, словно его наклеили на простыню невидимым клеем. Она протянула руку и коснулась белоснежной наволочки. Холодная. Такой холодной она бывает, только если к ней не прикасались всю ночь.

Первый раз это случилось около трёх месяцев назад. Тогда Анна испытала недоумение, смешанное с раздражением. Она проснулась в одиночестве, прошлёпала босыми ногами на кухню и увидела на столе остывший завтрак. Круассан, яйцо-пашот, стакан свежесжатого сока. Записка, написанная уверенным, размашистым почерком Андрея: «Срочно вызвали в офис. Не хотел будить. Целую». Анна зевнула, смяла записку и отправила в мусорное ведро. Она не заметила тогда пугающей стерильности вокруг, не придавала значения тому, что круассан был куплен в её любимой пекарне, которая открывалась только в девять, а часы на плите показывали 6:45 утра.

С каждым последующим утром странности нарастали. Андрей не просто уходил рано. Он растворялся, не оставляя следов. Его машина всегда стояла в гараже, ключи висели на крючке в прихожей, телефон оказывался заряженным и лежал на тумбочке у кровати. Но самого Андрея не было. Анна звонила ему на работу. Секретарша Леночка бодрым голосом отвечала, что Андрей Викторович на совещании, на выезде, у нотариуса, на обеде. Голос у Леночки всегда был немного испуганным, словно она оправдывалась. А когда Анна перезванивала через час, оказывалось, что Ан-

дрей Викторovich только что вышел и, кажется, поехал домой. Но домой он не приезжал. До самой ночи Анна металась по дому, набирала его номер, слушала длинные гудки, а потом, проваливаясь в сон, давала себе слово устроить ему скандал.

Но скандала не получалось. Потому что каждую ночь, каким бы напряжённым ни был вечер, засыпала она в постели одна, в озлобленной, вымотанной тишине. А просыпалась — снова в идеально прибранной спальне. И завтрак снова стоял на столе. Горячий. Это пугало больше всего. Завтрак всегда был горячим, независимо от того, в котором часу она открывала глаза.

Сегодня Анна села в постели, стараясь дышать ровно. Паника — это враг. Паника заставляет совершать ошибки. Она усвоила это ещё в детстве, когда отец учил её стрелять в семейном тире. «Страх сужает зрачки, дочка, — говорил он, поправляя наушники на её голове. — Ты перестаёшь видеть картину целиком. Дыши животом и считай до десяти». Она досчитала до десяти, потом до двадцати. Осмотрела спальню взглядом эксперта-криминалиста.

Комната сияла. В буквальном смысле. Солнечный свет, пробиваясь сквозь тонкие льняные шторы, падал на паркет, и тот блестел так, будто его только что натёрли мастикой. Ни пылинки на поверхности комода. Зеркало напротив кровати сверкало так ослепительно чисто, что лицо Анны в отражении казалось чужим, нарисованным. Она поднялась с кроват

ти, и её босые ступни коснулись прохладного дерева. Ни одной крошки. Обычно, если вечером они пили чай в спальне, рядом с кроватью обязательно оставалась сахарная пудра от печенья. Анна специально вчера крошила печенье в ладони и бросала крошки на пол, как хлебные крошки в сказке про Мальчика-с-пальчик. Она хотела оставить след. Доказательство. Улику.

Крошек не было.

Анна медленно опустилась на колени, проводя ладонью по паркету. Пол был влажным и пах недавним мытьём. Она наклонилась ниже, почти касаясь носом досок, и втянула воздух. Кроме лаванды, она уловила едва заметный запах хлора. Запах стерилизации. Кто-то не просто прибрал — кто-то выжег все следы жизни. Её взгляд упал на собственные руки. Ногти были идеально чисты, кожа на костяшках розовая и гладкая, словно она всю ночь провела в спа-салоне, а не ворочалась в тревожном полузабытьи. Она поднесла ладони к лицу. От них пахло миндальным кремом. Откуда? Она ненавидела миндальный крем. У неё всегда был с собой тюбик с экстрактом алоэ, но пахли её руки сейчас именно миндалём. Сладко и терпко.

На деревянном стуле у туалетного столика висел её халат. Вчера она бросила его в кресло небрежно, вывернув рукав наизнанку. Сейчас халат висел ровно, пояс был завязан в аккуратный узел, а рукава выправлены. Анна судорожно вздохнула. Она подошла к стулу и увидела на нём своё домаш-

нее платье, которое собиралась вчера закинуть в стирку из-за пятна от вишнёвого варенья. Пятна не было. Платье было выглажено и сложено так, словно его только что принесли из прачечной.

В висках застучало. Это не Андрей. Андрей не умел так выглаживать. Он вообще путал режимы стиральной машины и однажды залил полный бак жидкого мыла для посуды, устроив пенную вечеринку в ванной. Тот, кто наводил этот порядок, знал дом лучше самой Анны. Знал, где лежит отбеливатель, знал, как складывать её бельё в ящиках — треугольниками, как любила делать ещё её бабушка.

Анна вышла в коридор. Дом встретил её тишиной. Это был хороший, добротный загородный дом, который они купили три года назад на деньги отцовского наследства. Высокие потолки, панорамные окна в пол, дубовые двери. Тогда им казалось, что это станет их крепостью, гнездом, где зазвучит детский смех. Но детей не получалось. И тишина с каждым месяцем становилась всё гуще, пока не превратилась в осязаемую субстанцию, в невидимого жильца.

Гостиная встретила её стерильным холодом. Диванные подушки были взбиты и расставлены строго симметрично. Журнальный столик сиял. Книги, которые она вечером разбросала на ковре, стояли на полках, расставленные по алфавиту. Анна обхватила себя руками за плечи. Ей стало холодно, хотя термометр на стене показывал комфортные двадцать два градуса. Она прошла на кухню, и дыхание пере-

хватило.

Кухня была сердцем их дома. Всегда немного хаотичная, с пригоревшей кастрюлей на плите, с разбросанными по столешнице специями, с фотографиями на магнитах по холодильнику. Сейчас это была не кухня. Это была выставочная витрина. Столешницы из чёрного мрамора отражали свет, как тёмное зеркало. Вся техника, включая тостер и кофемашину, была выключена из розеток, шнуры спрятаны. Анна открыла холодильник. Внутри царил порядок, достойный операционной. Продукты были разложены по герметичным контейнерам с наклейками. Её любимый джем в банке стоял этикеткой строго вперёд. Она достала банку. Крышка была закручена с такой силой, что ей пришлось приложить усилие.

Посреди этого великолепия, на обеденном столе, сервированном на одну персону, стоял завтрак. Белая фарфоровая тарелка с золотистым омлетом, тост с авокадо, посыпанный кунжутом, и маленькая пиала с ягодами. Рядом лежала льняная салфетка, скрученная в идеальный цилиндр и перехваченная серебряным кольцом. И кофе. Кофе в её любимой чашке, тонкостенном фарфоре из лимитированной серии. На поверхности кофе, в пенке, была нарисована веточка папоротника. Латте-арт.

Анну затошнило. Кто мог сделать латте-арт в шесть утра в пустом доме? Она поднесла чашку к губам. Кофе был идеальной температуры, чуть горячее, чем нужно, чтобы обжечь

нёбо, и чуть холоднее, чем кипяток. Именно так, как она любила. Она сделала глоток. Горький, насыщенный, с нотками карамели. Тот самый сорт, что покупал Андрей в маленькой кофейне на углу их улицы. Но кофейня закрывалась в восемь вечера и открывалась в десять утра. Сейчас было начало восьмого.

Она резко поставила чашку на стол. Фарфор звякнул. Анна подошла к раковине. Она была сухой. Ни капли воды, ни одного мокрого пятна. Губка новая, без следов использования. Как будто завтрак материализовался из воздуха. Её взгляд упал на мусорное ведро. Она нажала на педаль, и крышка бесшумно поднялась. Внутри лежал пустой пакет. Новый. Вчера вечером она выбрасывала огрызок яблока и упаковку от таблеток снотворного. Сейчас ведро было стерильным. Кто-то убирал этот мусор, зная, что Анна заглянет в ведро. Знал её привычку всё перепроверять, её паранойю.

Паранойя. Это слово всплыло в сознании, острое и ядовитое. Именно так сказал Андрей в прошлый их разговор, который состоялся, кажется, неделю назад. Или две? Анна вдруг поняла, что не помнит, когда в последний раз говорила с мужем лицом к лицу наяву, а не в этих утренних воспоминаниях о несуществующих встречах. Она помнила его голос по телефону, помнила сообщения в мессенджере, но лицо... Когда она видела его лицо вживую? Она зажмурилась, пытается вызвать в памяти образ. Высокий лоб, седина на висках, чуть насмешливый взгляд карих глаз, ямочка на подбородке.

Детали расплывались.

— Андрей! — позвала она в пустоту дома. Голос прозвучал глухо, безэмоционально. Никто не ответил. Она прошла в его кабинет.

Кабинет был единственной комнатой, куда «уборщик» не заходил. Или заходил, но делал это иначе. Здесь всегда сохранялся рабочий беспорядок. Свитера, брошенные на кресле, раскрытые книги на письменном столе, кружка с засохшей кофейной гущей на подоконнике. Сегодня кабинет был чист. Компьютер выключен, монитор протёрт, даже провода под столом были собраны в аккуратный жгут и перевязаны пластиковым хомутом. Анна подошла к письменному столу. Блокнот Андрея, кожаный, потёртый, с его инициалами, лежал ровно посередине столешницы, строго параллельно краю. Она открыла его. Страницы были девственно чисты. Все его записи, телефонные номера, какие-то схемы, каракули — всё исчезло. Словно блокнот заменили на новый.

Анна села в его кресло и закрыла лицо руками. Ей нужно было подумать. В висках пульсировала боль. Это началось не вчера. Она принялась лихорадочно перебирать в памяти события последних недель. Сначала исчезновения Андрея были кратковременными. «Задержался на работе», «попал в пробку». Потом они стали систематическими. Каждое утро. Телефонные разговоры становились короче. Голос мужа в трубке звучал механически, словно запись. Она вспомнила их последний диалог.

— Ты скоро домой? Я приготовила ужин.

— Конечно, дорогая. Скоро буду. Оставайся на месте.

— Андрей, мне страшно. Этот дом... он какой-то не такой.

— Тебе просто нужно отдохнуть, Аня. Ты слишком много работаешь. Выпей таблетки и ложись спать. Всё будет хорошо.

И она леглась спать. И принимала таблетки. Откуда взялись эти таблетки? Анна открыла ящик стола. Там, среди канцелярских скрепок и старых ручек, лежал блистер. «Сомнол». Снотворное. Ей выписал его врач. Но какой врач? Она не помнила визита к врачу. На блистере была наклейка из аптеки с её именем и датой: десятое сентября. Сегодня было двадцать пятое октября. Она принимала их уже полтора месяца? Каждый вечер она засыпала с чувством провала, а просыпалась... Вот в этом.

Она бросила блистер обратно в ящик. Взгляд скользнул по столу и остановился на тонкой чёрной папке. Папка лежала под клавиатурой, хотя обычно Андрей хранил там счета за коммуналку. Анна вытащила её. Внутри оказался пластиковый файл с листками. Она достала их, и по спине побежал холодок. Это были распечатки скриншотов с камер видеонаблюдения, которые Андрей установил год назад для безопас-

ности. Камеры стояли по периметру участка и одна — в коридоре, ведущем к спальням.

На первом снимке было изображение ночного коридора. Дверь спальни открыта. На пороге стояла она, Анна. В длинной ночной рубашке, босиком. Время на штампе: 03:12. Она не помнила, чтобы вставала ночью. На втором снимке, датированном тем же числом, но временем 03:45, она стояла на кухне с ножом в руке. Анна почувствовала, как пол уходит из-под ног. На фото она держала большой поварской нож, лезвие блестело. Выражение её лица было абсолютно спокойным, даже безмятежным. Глаза широко открыты, но в них не было узнавания. Это лицо сомнамбулы.

Третья распечатка. Время 03:58. Она набирает воду в ведро. Четвёртая — 04:30. Она моет пол в гостиной на коленях. Пятая — 05:15. Она стоит у плиты, на сковороде что-то шипит. На губах играет лёгкая, довольная улыбка.

Анна отшвырнула листки. Они разлетелись по столу, как белые птицы. Её трясло. Это она. Она сама. Каждую ночь, пока сознание спит, её тело встаёт и наводит этот стерильный порядок. Её тело готовит этот идеальный завтрак. Но зачем? И если она хозяйничает на кухне с ножом в три часа ночи, то где Андрей?

Собрав остатки воли, она заставила себя посмотреть на последнюю распечатку. Время 05:47. Она стоит в гараже с лопатой в руках. Лопата была испачкана землёй. На рубашке — тёмные пятна. Анна сглотнула комок, подступивший

к горлу. Она медленно поднялась из-за стола и подошла к окну, выходявшему на задний двор. Сад был ухожен, газон подстрижен, кусты роз аккуратно подвязаны. А в дальнем углу сада, где рос старый дуб, земля была свежевскопанной. Слишком явно, слишком свежо.

— Нет, — прошептала она пересохшими губами. — Это какая-то ошибка.

Её разум отказывался соединять картинку. Анна никогда не страдала лунатизмом. В детстве — да, был случай, но врач сказал, что это переросла. Последние годы она спала как убитая. Или ей так казалось. Она отошла от окна и заметила на журнальном столике в гостиной предмет, которого там не было раньше. Блокнот в мягкой кожаной обложке, перетянутый бечёвкой. Её блокнот. Тот самый, который она подарила себе на новый год, но так и не начала вести, потому что жизнь казалась слишком пресной для мемуаров.

Анна взяла его в руки. Бечёвка была завязана сложным морским узлом. Она развязала его, сломав ноготь. Открыла первую страницу. Почерк был её, несомненно. Характерный наклон влево, петли у букв «у» и «д», маленькие поля. Но строки были неровными, буквы прыгали, словно писавший человек находился в крайнем возбуждении или спешил.

«Я больше не могу. Каждое утро одно и то же. Тишина. Запах хлорки. Идеально чистая спальня. Мне страшно открывать глаза. Мой муж исчезает каждую ночь. Но самое ужасное, я боюсь, что я сама — чудовище. Сегодня я нашла зем-

лю под ногтями. Я не помню, как она там оказалась».

Анна перевернула страницу. Дата наверху была проставлена три месяца назад. Ровно тогда, когда всё началось. Она лихорадочно читала, проглатывая слова.

«Врач говорит, что у меня диссоциативное расстройство. Что мой мозг создал личность-защитника. Я смеюсь ему в лицо. Но каждую ночь я нахожу новые доказательства. Я спрятала видеокамеру в спальне. Завтра проверю запись. Мне нужно знать правду».

Дальше несколько страниц были вырваны. Грубо, с мясом, остались только бахрома краёв. А за ними шла ещё одна запись, свежая. Чернила были яркими, синими, пахли пастой. Почерк внезапно стал твёрдым, уверенным, почти каллиграфическим. Это были не скачущие буквы испуганной женщины. Это был почерк того, кто полностью контролирует ситуацию.

«Мы снова проснулись. В доме порядок. Я приготовила ей завтрак. Она плачет и ничего не понимает. Это забавно. Она думает, что я исчезаю. Она смотрит на фотографии и не узнаёт мой голос на записях. Глупая, слабая Анна. Я устала ждать, пока она догадается. Пора остановить этот цирк. Сегодня я написала это её же рукой, чтобы она наконец поняла».

Руки Анны задрожали. Строчки прыгали перед глазами. Запись была сделана сегодняшним числом. Она перевернула страницу, чувствуя, как ледяной пот стекает по позвоночнику.

ку. Последняя запись была короткой. Всего одна строка, выведенная с сильным нажимом, так, что ручка прорвала бумагу в нескольких местах.

«Это не он исчезает. Это я убиваю его каждую ночь и ничего не помню».

Блокнот выпал из её рук и глухо ударился о паркет. Звук разнёсся по пустому дому, многократно усилившись эхом. В висках зазвенело, перед глазами поплыли тёмные круги. Анна попятилась назад, пока не упёрлась спиной в холодную стену. Она медленно сползла по ней на пол, прижав колени к груди. В горле застрял беззвучный крик.

Как долго она так просидела, Анна не знала. Свет за окном изменился, солнечные зайчики переместились с паркета на стену, рисуя причудливые тени от ветвей дуба. Ветви покачивались, словно манили к себе. Она заставила себя посмотреть на свои руки. Чистые, ухоженные, с безупречным маникюром. Руки женщины, которая никогда не держала в руках ничего тяжелее кофейной чашки. Или это иллюзия? Она вспомнила лопату из гаража, испачканную землёй. Где эта лопата сейчас?

Анна поднялась, опираясь на стену. Ноги были ватными, но голова странным образом прояснилась. Паника отступила, уступив место какой-то мрачной, суровой решимости. Если это правда, если внутри неё живёт кто-то, кто по ночам берёт контроль над телом и делает это, она должна узнать всё до конца. Она не позволит невидимому врагу играть с ней,

как с марионеткой. Даже если этот враг — она сама.

Она подняла блокнот с пола. Нужно было действовать системно. Вести дневник — хорошая идея. Теперь понятно, откуда взялась эта мысль. Она приходит в голову каждое утро, когда она просыпается в стерильном аду. Каждое утро она думает: «Надо записывать». И каждую ночь кто-то стирает её память, забирает её дневник и пишет в нём свои жестокие послания. Но кто? Та, другая? Или это и есть настоящая Анна, а она сама — лишь пустая оболочка, кукла, созданная для дневной жизни?

Она отбросила эту мысль. Слишком сложно. Нельзя решать уравнение, не зная всех переменных. Нужны доказательства. Вещественные, неопровержимые, которые нельзя стереть уборкой. Она направилась в спальню и достала из шкафа старый планшет, который они использовали как фоторамку. Планшет можно использовать как скрытую камеру. Она установит его так, чтобы он снимал всю комнату. Зарядит на полную и подключит к розетке, спрятав провод за шторой.

До вечера оставалось ещё много времени. Целый день в пустом доме, наедине со своими мыслями и этими записями. Анна села за кухонный стол, разложила перед собой листы блокнота и взяла ручку. Свою ручку, с тонким пером, которую она любила за лёгкость скольжения. Она решила написать новую запись, обращённую к той, другой. К своему альтер-эго. Или к своему тюремщику.

«Я знаю, что ты читаешь это. Я не знаю, как тебя зовут и зачем ты это делаешь. Я не помню ночей. Но я больше не боюсь. Я найду способ остановить тебя. Я верну Андрея. Если ты причинила ему вред, я уничтожу нас обоих. Ты слышишь? Уничтожу».

Она поставила точку и с силой захлопнула блокнот. Где-то в глубине дома скрипнула половица. Анна вздрогнула и обернулась. Звук донёлся со стороны подвала. Старый дом всегда жил своей жизнью, усаживаясь на фундаменте, но этот скрип был особенным. Ритмичным. Словно кто-то ходил там, внизу, терпеливо дожидаясь темноты. Она посмотрела на дверь, ведущую в подвал. Дверь была приоткрыта. Утром она была закрыта. Анна точно это помнила.

Она медленно встала и на цыпочках подошла к лестнице. Из темноты подвала тянуло холодом и всё тем же химическим запахом, но с новой нотой — землистой, сырой. Запах могилы. Она взялась за ручку двери, собираясь закрыть её на замок, как вдруг услышала звук. Тихий, едва различимый шёпот. Он доносился снизу. Она замерла, боясь дышать. Шёпот был похож на молитву или заклинание, повторяемое по кругу. И голос... Это был её собственный голос.

Сорвавшись с места, она захлопнула дверь и щёлкнула задвижкой. Сердце колотилось где-то в горле. Она отбежала в центр гостиной и огляделась. Иллюзия? Галлюцинация? Врачи говорили, что расстройство сна может вызывать слуховые миражи. Но здесь и сейчас всё было слишком реаль-

ным. Она чувствовала холод металла задвижки на кончиках пальцев. Она слышала этот шёпот так же ясно, как шум собственной крови в ушах.

Анна поняла, что до вечера она в этом доме одна не останется. Ей нужно было уехать, проветрить голову, попытаться найти кого-то, с кем она могла бы поговорить, кто подтвердил бы, что она существует, что она настоящая. Она схватила ключи от машины и выбежала в прихожую. Обуваясь, она заметила своё отражение в зеркале на двери шкафа-купе. Отражение выглядело дико: взъерошенные волосы, дикие глаза, бледное лицо. Но хуже всего была улыбка. Её отражение улыбалось. Пока она сама, Анна, стояла с приоткрытым от ужаса ртом, её зеркальный двойник растягивал губы в холодной, снисходительной усмешке. Анна моргнула, и видение исчезло. Перед ней снова была просто испуганная женщина.

Она выскочила на крыльцо и с наслаждением вдохнула холодный осенний воздух. Пахло прелой листвой и дождём. Впервые за это утро запах не был синтетическим. Она пошла к гаражу, но остановилась. Взгляд упал на клумбу у ворот. Розы, которые она сажала весной, были аккуратно обкопаны и укрыты лапником на зиму. Но что-то белело между кустов. Анна наклонилась и подняла предмет. Это была запонка Андрея. Золотая, с выгравированными инициалами «А. С.». Запонка была сломана, крепление погнуто, как будто в неё вцепились мёртвой хваткой и оторвали от манжеты с мясом.

Она сжала запонку в кулаке так, что гравировка впилась в ладонь. Это была улика, которую не смогла уничтожить ночная уборка. Андрей был здесь. И он боролся. Анна больше не сомневалась. Она не сумасшедшая. Кто-то ведёт с ней страшную игру, и единственный способ выжить — это играть на опережение. Нужно вернуться в дом, пока солнце ещё высоко, и обыскать каждый сантиметр подвала.

Завтра она установит камеры. Сегодня она должна найти то, что прячет от неё ночь. Она развернулась и решительно пошла обратно к входной двери. Стеклопанель на двери отразила её силуэт. И снова ей показалось, что её отражение движется с задержкой в долю секунды. Словно кто-то другой выглядывал из стекла, оценивая её решимость. Но Анна не остановилась. Она открыла дверь и шагнула в пахнущую лавандой темноту дома, чтобы лицом к лицу встретиться с той, кто, возможно, уже давно ждала её в подвале, улыбаясь своей мёртвой улыбкой.

Глава 2. Шёпот за дверью

Стеклянная дверь захлопнулась за спиной с глухим, вязким стуком, отрезая Анну от спасительного осеннего воздуха. В прихожей вновь сгустилась тишина, нарушаемая лишь частым, рваным ритмом её собственного дыхания. Сломанная запонка жгла ладонь, впиваясь острым краем погнутого крепления в кожу. Она была реальной. Тяжёлой. Настоящей. Анна разжала кулак и поднесла золотую безделушку к глазам. Инициалы «А. С.» — Андрей Соболев — смотрели на неё с холодной, равнодушной неумолимостью вещественного доказательства.

Первое правило криминалистики, которое вдолбил ей отец: «Не верь глазам, верь уликам». Она не знала, можно ли верить сейчас собственному рассудку, но запонка была якорем, удерживающим её в реальности. Андрей боролся. Это случилось не во сне и не в фантазии. Всё произошло здесь, в этом доме, который каждую ночь превращался в стерильную сцену для её лунатического спектакля.

Анна прошла в гостиную и остановилась перед дверью в подвал. Задвижка, которую она защёлкнула несколько минут назад, всё ещё была закрыта. Холодный металл блестел в тусклом свете, просачивающемся сквозь пыльные окна. Она наклонилась и прижалась ухом к деревянной филёнке. Изнутри не доносилось ни звука. Только то самое, уже знако-

мое ощущение холода, просачивающееся сквозь щели. Холод был не температурным — он был эмоциональным, могильным, он вытягивал тепло из кожи, как компресс из ледяного спирта.

— Кто здесь? — прошептала она, чувствуя себя полной идиоткой. Голос прозвучал хрипло, почти неузнаваемо. Ей никто не ответил. Подвал молчал, но молчание это было красноречивее крика. Оно было выжидательным.

Анна выпрямилась и огляделась в поисках оружия. Взгляд упал на подставку для зонтов — тяжёлый дубовый цилиндр, который Андрей притащил с какой-то барахолки. Она выдернула из него массивную трость с металлическим набалдашником. Когда-то эта трость принадлежала прадеду Андрея и считалась семейной ценностью. Сейчас это была просто увесистая дубина. Сжав её в правой руке, левой Анна отодвинула задвижку. Металлический лязг показался оглушительным, как пистолетный выстрел. Дверь медленно, с пронзительным скрипом отворилась, открывая чёрный провал лестничного проёма.

Пахнуло сыростью, землёй и чем-то сладковатым, приторным, как гниющие фрукты. Анна нашарила на стене выключатель и щёлкнула им. Под потолком вспыхнула одинокая голая лампочка, болтающаяся на длинном проводе. Она залила лестницу тусклым, желтоватым светом, который не столько разгонял тьму, сколько сгущал тени по углам. Ступени уходили вниз, в сырую неизвестность. Бетонные стены

были покрыты пятнами плесени и высолов — белесыми кристаллами соли, проступающими сквозь штукатурку.

Спускалась Анна медленно, спиной прижимаясь к стене, выставив трость перед собой. Каждая ступенька отзывалась под ногами утробным стоном старого дерева. С каждым шагом температура падала. Когда она достигла нижней площадки, изо рта вырвалось облачко пара. Она остановилась, прислушиваясь. Где-то в глубине, среди старой мебели и коробок с хламом, капала вода. Мерный, ритмичный звук: кап... кап... кап... Казалось, что это отсчитывает время невидимый метроном.

Подвал представлял собой лабиринт из железа и дерева. Старый стеллаж, уставленный банками с соленьями, которые закатывала ещё мать Андрея. Анна помнила эти банки. Они стояли здесь годами, покрываясь слоем пыли. Но сейчас, когда она подошла ближе, свет лампочки выхватил из мрака кое-что странное. Банки были чистыми. Стекло блестело, словно его только что протёрли влажной тряпкой. Этикетки, размокшие от времени и сырости, исчезли. Вместо них на крышках белели аккуратные бумажные стикеры с номерами: «№ 47», «№ 48», «№ 49».

Анна потянулась к банке с номером «47» и взяла её в руки. Внутри, в мутноватом рассоле, плавало что-то непонятное. Она поднесла банку ближе к свету, вглядываясь сквозь толстое стекло. Это были не огурцы и не помидоры. В рассоле, медленно переворачиваясь, колыхался свёрнутый в труб-

ку лист бумаги. Анна машинально попыталась открыть крышку, но та сидела намертво, словно её приклеили эпоксидной смолой. Она попробовала другую банку — то же самое. Содержимое каждой банки было скрыто мутной жидкостью, но в тех, что стояли ближе к свету, она разглядела очертания небольших, тёмных предметов. В одной банке, кажется, лежало что-то, напоминающее старое украшение. В другой — скомканная фотография.

Коллекция. Кто-то коллекционировал здесь улики. Или трофеи.

Усилием воли Анна подавила рвотный позыв и поставила банку на место. Страх, который до этого момента парализовал, начал трансформироваться в холодную, сфокусированную ярость. Кто бы ни играл с ней в эти игры, он перешёл черту. Она не будет больше жертвой. Она будет охотником.

Миновав стеллаж, она двинулась в дальний угол подвала, где громоздились старые шкафы и этажерки. Именно оттуда, как ей показалось утром, доносился шёпот. Там же стояла старая металлическая дверь, ведущая в технический отсек — бывшую котельную, которую они переоборудовали в кладовую для садового инвентаря. Анна помнила эту дверь. Тяжёлую, выкрашенную суриком, с массивным навесным замком. Замок всегда висел на петлях, потому что они с Андреем редко туда заходили.

Сейчас замка на двери не было.

Вместо него на ручке висел нейлоновый шнурок, привя-

занный бантиком. Анна остановилась в нескольких шагах. Её сердце пропустило удар. Бантик был завязан точно так же, как она завязывала шнурки на кроссовках Андрея — с двойной петлёй. Эту манеру он всегда называл «фирменным бантиком Анны». Сейчас этот безобидный узелок кричал громче любой угрозы. Она здесь была. Та, другая.

Анна протянула руку и дёрнула за конец шнурка. Узел поддался легко, словно его специально не затягивали, ожидая гостя. Дверь в котельную открылась почти беззвучно, нарушив все законы физики для своих проржавевших петель. Изнутри пахло не мазутом и пылью, а всё той же лавандой, смешанной теперь с едким запахом медицинского спирта.

Это была уже не котельная. Анна замерла на пороге, чувствуя, как волосы на затылке встают дыбом. Помещение было превращено в подобие операционной. Старый бетонный пол сиял белизной свежей эмалевой краски. Вдоль стен стояли стеллажи из нержавеющей стали, на которых ровными рядами лежали инструменты. Но не садовые. Скальпели, зажимы, пинцеты, хирургические ножницы — всё разложено по размерам, с маниакальной аккуратностью. В центре комнаты возвышался металлический стол на колёсиках. Над столом, на специальном кронштейне, висела лампа дневного света, готовая заливать рабочую поверхность безжалостным белым сиянием. Но самое страшное находилось у дальней стены. Там стояла большая белая доска для записей, вся испещрённая схемами, цифрами и фотографиями.

Анна шагнула внутрь, чувствуя подошвами ке́д холод гладкого пола. Она подошла к стеллажу с инструментами. Они были новыми, без единой царапины, но на некоторых лезвиях под ярким светом лампочки блестели микроскопические капли засохшей жидкости бурого цвета. Кровь. Она знала этот цвет. Она слишком много времени провела в юности, ассистируя отцу при разделке охотничьих трофеев.

Трость выпала из ослабевших пальцев и с грохотом покати́лась по бетону. Эхо заметалось под низким потолком, а когда стихло, Анна услышала звук. Тот самый шёпот. Он шёл из старого магнитофона, стоящего на столе в углу. Маленький кассетный диктофон с вращающимися бобинами. Плёнка крутилась, динамик едва слышно шипел, и сквозь этот шип пробивался её собственный голос, монотонно повторяющий одну и ту же фразу:

— Соединить ткани. Зафиксировать зажимом. Промокнуть. Убрать в контейнер. Не оставлять следов. Анна должна быть чистой. Анна не должна узнать. Соединить ткани...

Это была инструкция. Голос на плёнке принадлежал ей, Анне, но интонации были чужими — механическими, лишёнными всяких эмоций, словно говорил робот или человек, погружённый в глубочайший транс. Она нажала на кнопку «стоп» дрожащими пальцами, и шёпот оборвался. В наступившей тишине стало слышно, как где-то над головой, в жилой части дома, скрипят половицы.

Анна перевела взгляд на доску. Только теперь она заста-

вила себя рассмотреть её содержимое. К доске кнопками были приколоты фотографии. Её фотографии. Анна спала. Анна стояла у плиты. Анна мыла пол. Фотографии ночных бдений, сделанные скрытой камерой. Но были и другие снимки. Андрей. Андрей за рулём машины. Андрей в офисе, снятый через окно. Андрей в супермаркете. Все снимки были перечёркнуты красным маркером. Рядом с ними висела схема дома — план первого этажа и подвала с карандашными пометками. Маршруты передвижения, время, указанное с точностью до минуты. Кто-то вёл за ними слежку долгие месяцы.

В центре всего этого коллажа, приклеенная скотчем, висела её детская фотография. Анна в десять лет, с бантами, смотрела в объектив широко распахнутыми, перепуганными глазами. Под фотографией — надпись чёрным маркером, тем же твёрдым почерком, что и в дневнике: «Первичная травма. Истоки паттерна».

Паттерн. Это слово ударило под дых. Анна пошатнулась, ухватившись за край металлического стола. Она ничего не понимала. Какой травмы? Каких истоков? Её детство было обычным, счастливым, насколько это возможно для дочери военного. Да, отец был строг, мать часто болела, но её любили, о ней заботились. Почему её детская фотография стала центром этого чудовищного расследования, посвящённого ей самой?

Скрип наверху повторился. На этот раз более отчётливый. Кто-то ходил по гостиной. Шаги были тяжёлыми, мужскими.

Сердце Анны подпрыгнуло. Андрей? Может быть, он вернулся? Может быть, он жив и всё это — чья-то злая, изощрённая мистификация? Она рванулась к лестнице, забыв о страхе, об инструментах, о шёпоте на плёнке. Взбежала по ступенькам, перепрыгивая через две, и вылетела в гостиную, готовая закричать от радости или от ужаса.

Гостиная была пуста. Но тяжёлые портьеры колыхались, хотя все окна были закрыты. Запах лаванды здесь смешивался с запахом дорогого мужского одеколona. Запахом Андрея. Анна крутанулась на месте, озираясь по сторонам. На журнальном столике, рядом с её раскрытым блокнотом, стояла чашка с недопитым чёрным кофе. Кофе дымился. От чашки на полированной поверхности стола расплзлось влажное кольцо. Она точно знала: уходя в подвал, она убрала со стола все чашки. Завтрак был сервирован на кухне. Откуда здесь эта чашка?

— Андрей! — закричала она. Тишина проглотила её голос, даже не подавившись. Она металась по комнатам, распахивая двери, заглядывая в шкафы. Спальня — пусто. Пустая кровать, застеленная идеально. Кабинет — пусто. Ванная — зеркало запотело, на стекле душевой кабины висели капли воды. Кто-то принимал душ, пока она была в подвале. Она потрогала полотенце — влажное. Но в доме не было ни души.

Тогда она бросилась к входной двери. Распахнула её настежь, выскочила на крыльцо. Ветер гнал по дорожке жёлтые

листья. На ступеньках, прямо перед дверью, стояли мужские туфли. Чёрные, начищенные до блеска, сорок третий размер. Туфли Андрея. Те самые, которые она подарила ему на прошлый день рождения. Они стояли ровно, носками к двери, словно их владелец снял их, зашёл в дом и исчез, растворившись в воздухе, как утренний туман.

Анна медленно опустилась на корточки. Подняла одну туфлю. Внутри, на кожаной стельке, темнело пятно. Свежее, влажное, красное. Кровь. Она отдернула руку, и туфля упала на ступеньку с глухим стуком. Всё. Больше не было сил ни кричать, ни плакать, ни бежать. Она села на холодное крыльцо, обхватив голову руками, и тупо смотрела на кровавый след.

Именно в этот момент в кармане её домашнего платья зазвонил телефон. Звук был настолько неожиданным и обыденным, что Анна вздрогнула всем телом. Она выхватила мобильник. Номер был незнакомый. Городской, местный. Она нажала кнопку ответа.

— Алло? — голос её был сиплым, надтреснутым.

— Анна Сергеевна Соболева? — раздался в трубке сухой, официальный голос. — Это старший следователь Корнеев, областное управление. Вы меня слышите?

— Да, — ответила она, чувствуя, как земля начинает вращаться быстрее.

— Анна Сергеевна, мы вынуждены вас побеспокоить. Дело касается вашего мужа, Андрея Викторовича Соболева.

Мы бы хотели задать вам несколько вопросов в связи с его исчезновением. Вы можете подъехать в отделение сегодня во второй половине дня?

Исчезновение. Слово резануло слух. Значит, официально он числится пропавшим без вести. Но кто подал заявление? Она? Она не помнила, чтобы звонила в полицию. Она вообще ничего не помнила.

— Я... Да, наверное, могу, — пролепетала она. — А кто... когда он пропал?

В трубке повисла пауза. Анна слышала, как следователь перебирает бумаги.

— Станный вопрос от вас, Анна Сергеевна, — сухо заметил Корнеев. — Согласно материалам дела, заявление о пропаже поступило от вас лично девятнадцатого октября этого года. Вы явились в отделение и написали его собственноручно. В заявлении указано, что ваш муж не выходит на связь с пятнадцатого октября.

Трубка в руке Анны задрожала. Девятнадцатое октября. Она совершенно не помнила этого дня. Как и восемнадцатого, и семнадцатого. Последние дни слились в одну сплошную полосу тревоги и стерильной утренней пустоты. Она посмотрела на экран телефона. Сегодня двадцать пятое октября. Прошло десять дней. Десять дней, стёртых из её памяти, как записи мелом с доски.

— Я... я плохо себя чувствовала последнее время, — выдавила она. — Приболела. Напомните, пожалуйста, что

именно я говорила в заявлении?

Следователь хмыкнул.

— В заявлении вы указали, что ваш муж, предположительно, мог стать жертвой несчастного случая во время ночной прогулки. И что вы опасаетесь за его жизнь. К заявлению вы приложили его фотографию и копию паспорта. Сейчас мы обрабатываем стандартные версии, но, учитывая стаж вашего мужа и отсутствие мотивов для бегства, дело передано мне. Есть некоторые... нестыковки.

— Какие нестыковки? — сердце Анны колотилось где-то в горле. Она знала, что последует за этим вопросом. Знала, что следователь сейчас скажет то, что разрушит её последнюю надежду на ошибку.

— Ваша подпись на заявлении, Анна Сергеевна, не совпадает с образцами, которые мы получили из архива при проверке вашей личности. Почерковедческая экспертиза утверждает, что заявление писали вы, но подпись имитирована. Это довольно странно. Вы не могли бы пояснить, кто мог получить доступ к вашему паспорту?

Анна закрыла глаза. Перед мысленным взором встала строчка из дневника, написанная её собственной рукой, но чужим, твёрдым почерком: «Это я убиваю его каждую ночь и ничего не помню». Та, другая, не просто управляла её телом по ночам. Она жила и днём. Она ходила в полицию. Она подавала заявления. Она общалась с людьми, изображая Анну. И теперь следователь подозревает, что сама Анна инсцени-

ровала исчезновение мужа, а потом пыталась замести следы.

— Я не знаю, — ответила она, понимая, как жалко звучит этот ответ. — Я действительно не знаю. Мне нужно прийти в себя. Я подъеду через пару часов.

— Жду вас в шестнадцать ноль-ноль, — отрезал Корнеев и повесил трубку.

Анна осталась сидеть на крыльце, сжимая в одной руке замолчавший телефон, а в другой — сломанную запонку. Ветер усиливался, раскачивая голые ветви дуба. Они царапали небо, как скрюченные пальцы. Ей нужно было действовать. Нельзя ехать к следователю в таком состоянии — растерянной, испуганной, ничего не понимающей. Её просто запрут в камере, а настоящий убийца (или она сама в обличье убийцы) останется на свободе. Нужно собрать доказательства. Нужно узнать, что хранится в банках с номерами. Нужно досмотреть плёнку в диктофоне до конца. Нужно найти способ заснять своё ночное «я».

Она заставила себя подняться. Подошла к старому дубу, глядя на свежевскопанную землю. Лопата стояла тут же, приклонённая к стволу, лезвие всё ещё было в налипших комьях глины. Следователь упомянул, что они отработывают версии. Если бы они обыскали участок с собакой или с георадаром, они бы нашли здесь что-то? Или нет? Земля была вскопана ровно, аккуратно, как грядка. Если там что-то и зарыто, то очень глубоко. Или наоборот — это отвлекающий манёвр. Спектакль, разыгранный для неё одной.

Анна решила отложить раскопки до темноты. Сейчас нужно было заняться сбором информации. Она вернулась в дом, на этот раз тщательно заперев за собой дверь, и отправилась в кабинет. Ей нужны были коды доступа к облачному хранилищу Андрея, к его рабочей почте. Вдруг там есть зацепки? Она знала, что Андрей был педантичен в вопросах безопасности, но у них были общие пароли, основанные на дате свадьбы и кличке их первой собаки.

Компьютер загрузился на удивление быстро. Рабочий стол был девственно чист, если не считать одной-единственной папки с названием «Анна». Она кликнула по ней. В папке оказались десятки видеофайлов, датированных последними месяцами. Все файлы были названы по времени и дате. Анна запустила первый попавшийся. Это была запись с камеры, установленной, судя по ракурсу, на книжном шкафу в спальне. Она увидела кровать, себя, спящую на правой половине, и Андрея, сидящего на левом краю.

Андрей не спал. Он смотрел на экран своего ноутбука, и лицо его, освещённое голубоватым светом, было напряжённым, почти испуганным. Он периодически косился на спящую Анну, и в его глазах читался страх. Самый настоящий, животный страх перед тем, кто лежал рядом. Затем он отложил ноутбук, осторожно, стараясь не скрипнуть пружинами матраса, встал и вышел из кадра. Через минуту Анна на кровати пошевелилась. Она видела, как её собственное тело медленно село в постели. Глаза были открыты, но взгляд

остекленевший, устремлённый в пустоту. Тело посидело так несколько секунд, а потом резво, слишком резво для сонного человека, прыгнуло с кровати и последовало за Андреем.

Запись оборвалась. Анна включила следующий файл, помеченный двадцать пятым сентября. На этой записи была кухня. Время — три часа ночи. Её тело в ночной рубашке стояло у плиты и жарило яичницу. Движения были чёткими, профессиональными. Она добавила специи, попробовала еду с лопаточки, улыбнулась. Но улыбка была жуткой — она не затрагивала глаз. Затем в кадре появился Андрей. Он был одет в уличную одежду, словно собирался уходить.

— Послушай, — тихо сказал он, обращаясь к ней. — Тебе не обязательно это делать. Я могу просто уехать. Мы разведёмся. Я никому ничего не скажу.

Анна на записи обернулась к нему, и её губы растянулись в той самой холодной усмешке, которую она видела в зеркале сегодня утром.

— Ты не понимаешь, Андрей, — произнесла она голосом, от которого у Анны по спине побежали мурашки. Голосом, полным льда и превосходства. — Дело не в тебе. Дело не в браке. Я защищаю Анну. Ты стал угрозой. Ты начал задавать вопросы. Ты пошёл к психиатру. Этого нельзя было допустить.

— Я просто хотел помочь! — воскликнул Андрей. — Ты больна, Аня! У тебя диссоциативное расстройство личности. Нужно лечь в клинику, я договорился с профессором Рих-

тером...

— Рихтер ничего не знает, — оборвала его та, другая. — А ты знаешь слишком много. О той ночи, двадцать лет назад. О том, что случилось на даче у озера. Ты раскопал архивы, ты связался с тем старым егерем. Ты думал, я не замечу? Я всё вижу, Андрей. Я всегда на страже.

Анна на записи шагнула к Андрею, и в руке у неё блеснул нож — тот самый поварской нож, фотографию которого она видела сегодня утром. Андрей попятился, выставив вперёд руки. Он что-то кричал, но звук на записи вдруг пропал, сменившись высокочастотным писком. Экран покрылся рябью. Когда изображение восстановилось, на кухне уже никого не было. Только на полу темнела лужица крови, а робот-пылесос, включённый неизвестно кем, уже деловито елозил по плитке, размазывая её тонким слоем.

Анна отшатнулась от монитора. Её тошнило. Голова кружилась от обилия информации, которая не укладывалась в сознании. Двадцать лет назад. Дача у озера. Она помнила эту дачу. Старый родительский дом, куда они ездили каждое лето. Она помнила озеро, сосны, запах смолы. Но она не помнила никакого «происшествия». Почему же тогда при упоминании этого места её сердце сжимается от ледяного, первобытного ужаса?

Она попыталась вспомнить. Напрягла память так, что в висках заломило. Картинки из детства, которые раньше были цветными и радостными, сейчас казались блёклыми, словно

выцветшие фотографии. В них зияли провалы. Вот ей восемь лет, она ловит бабочек. А вот ей двенадцать, она читает книгу в гамаке. А что было в десять? Пустота. Чёрный провал, длящийся почти два года. Болезнь? Да, мать говорила, что она тяжело болела. Чем? Этого Анна тоже не помнила. Она всегда верила, что память избирательно стирает плохое. Но сейчас она впервые усомнилась — а было ли это «стирание» естественным?

Нужно найти Рихтера. Профессора Рихтера. Фамилия показалась смутно знакомой. Она открыла поисковик и набрала запрос. Выскочила единственная статья десятилетней давности в местном медицинском вестнике: «Профессор Герхард Рихтер: новые методики лечения диссоциативных расстройств». В статье упоминалась частная психиатрическая клиника в пригороде, специализирующаяся на амнезиях и раздвоении личности. Анна записала адрес и телефон.

Потом она проверила историю браузера. Кто-то (или она сама) накануне искал информацию о юридических последствиях признания недееспособности, о наследственных делах и о процедуре принудительной госпитализации. Та, другая, заметала следы. Она готовилась либо исчезнуть, оставив Анну виноватой во всех грехах, либо окончательно занять её место.

Анна приняла решение. К чёрту визит к следователю. Сейчас это ловушка. Она поедет в эту клинику, найдёт Рихтера и заставит его рассказать всё, что он знает. Это един-

ственная ниточка, ведущая к разгадке. Но прежде чем уйти, она должна обезопасить дом. Та, другая, не должна узнать, что Анна вышла на след. Нужно создать иллюзию, что всё идёт по её плану.

Она взяла блокнот и на чистой странице, подражая своему «ночному» почерку, вывела:

«Сегодня был сложный день. Следователь звонил, я притворилась больной. Они ничего не узнают. Ночью я закончу уборку в саду. Инструменты готовы. Анна подавлена, она больше не опасна. Продолжаем наблюдение».

Она оставила блокнот на видном месте, на журнальном столике, рядом с чашкой остывшего кофе. Пусть та прочтёт и думает, что контроль над ситуацией в её руках. Затем Анна надела плотные джинсы, свитер, захватила с собой трость (на этот раз намеренно) и вышла через гараж. Прежде чем сесть в машину, она заглянула в багажник. Под ковриком, рядом с запасным колесом, лежал старый револьвер отца. Тяжёлый, смазанный, с полным барабаном. Анна проверила оружие, чувствуя, как холодная сталь ложится в ладонь, словно продолжение руки. Страх никуда не ушёл, но теперь он сплавился с решимостью.

Машина завелась с пол-оборота. Автоматические ворота гаража поползли вверх, открывая вид на серое, затянутое тучами небо. Анна вырулила на дорогу и направилась в сторону города. Она не смотрела в зеркало заднего вида. Если бы она это сделала, то заметила бы, как в окне спальни на вто-

ром этаже, которого она не открывала уже несколько недель, колыхнулась занавеска. Там, в темноте, стояла фигура, неподвижно провожающая взглядом удаляющийся автомобиль.

Дорога до пригорода заняла около часа. Клиника располагалась в бывшей барской усадьбе, обнесённой высоким каменным забором. Вывеска была скромной, почти незаметной: «Институт психосоматических исследований». Анна припарковалась у ворот и нажала кнопку вызова. Ей ответил женский голос.

— Моя фамилия Соболева, — сказала Анна. — Мне назначено. Консультация у профессора Рихтера.

Она соврала на ходу, надеясь, что имя профессора всё ещё имеет вес. В динамике что-то зашуршало, а затем раздался удивлённый возглас:

— Анна Сергеевна? Но ваш визит не запланирован до следующей среды. Профессор будет удивлён. Впрочем, проезжайте. Второй корпус, кабинет номер четыре.

Ворота бесшумно отворились. Внутренний двор утопал в зелени вековых лип. Всё здесь дышало покоем и безмятежностью, но Анна знала, что за этими стенами часто скрываются самые тёмные уголки человеческого разума. Она оставила машину на гостевой парковке и направилась к указанному корпусу.

В вестибюле её встретила медсестра — высокая, сухая женщина с прилипшей к лицу профессиональной улыбкой.

— Анна Сергеевна, вы сегодня без предупреждения. Что-

то случилось? — спросила она, внимательно разглядывая Анну. Во взгляде её сквозила настороженность.

— Усилились головные боли и провалы в памяти, — ответила Анна заученной фразой, которую, кажется, произносила уже десятки раз. — Я решила, что ждать до среды рискованно.

— Понимаю, — кивнула медсестра. — Профессор сейчас занят с другим пациентом, но через десять минут освободится. Подождите, пожалуйста, в комнате отдыха. Могу я предложить вам чай или воду?

— Воду, — ответила Анна. — Только без газа.

Она опустилась в мягкое кожаное кресло в холле и огляделась. Стены были увешаны абстрактными картинами, играла тихая классическая музыка. Всё было призвано успокаивать, но Анна чувствовала напряжение каждой клеточкой тела. Она заметила стойку регистрации и лежащий на ней журнал посещений. Медсестра отошла за водой. Анна быстро встала, подошла к стойке и перегнулась через неё, впившись взглядом в открытую страницу журнала.

Её фамилия встречалась там с пугающей регулярностью. Два, иногда три раза в неделю. Последняя запись была датирована вчерашним днём: «Соболева А. С. Консультация с проф. Рихтером. Тема: прогресс интеграции личности». Подпись. Её подпись. Та самая, которую, по словам следователя, не могли идентифицировать. Рядом с подписью стоял жирный восклицательный знак, сделанный, видимо, рукой

самой медсестры.

Анна отпрянула от стойки за секунду до того, как медсестра вернулась с пластиковым стаканчиком воды.

— Профессор ждёт вас, — сказала она, всё так же приторно улыбаясь. — Прошу за мной.

Длинный коридор с рядами дверей. Запах лекарств и озона. Белые стены. Анна старалась запомнить дорогу, хотя понимала, что если та, другая, регулярно здесь бывает, то весь этот маршрут давно вписан в мышечную память её тела. Медсестра постучала в массивную дубовую дверь и, не дожидаясь ответа, распахнула её.

Кабинет профессора Рихтера был огромен. Окна от пола до потолка выходили в яблоневый сад. Вдоль стен стояли книжные шкафы, забитые толстыми фолиантами. В углу — огромный глобус, рядом — скелет на металлической подставке. Сам профессор, сухонький старик с седой бородкой клинышком и пронзительными голубыми глазами, сидел за столом и что-то писал золотым пером. Он поднял голову и снял очки.

— Анна, дорогая! — воскликнул он с преувеличенной радостью. — Не ожидал вас увидеть раньше времени. Что-то подтолкнуло вас к внеочередному визиту? Тревожные сны? Или, может быть, провалы во времени?

— Провалы, профессор, — ответила Анна, садясь в кресло напротив него. — И не только. Я начала находить вещи. Послания. Улики, оставленные моим... альтер-эго. И я хочу

знать правду. Всю правду. Я знаю про ночные записи, про подвал. Хватит меня лечить, профессор. Говорите прямо, кто я такая и что совершила двадцать лет назад на даче у озера.

Улыбка медленно сползла с лица Рихтера. Он откинулся на спинку кресла и долго, изучающе смотрел на неё. Потом встал, подошёл к шкафу и достал оттуда толстую папку. На папке было написано: «Соболева А. С. История болезни № 178».

— Я думал, у нас в запасе есть ещё несколько месяцев, — произнёс он, и голос его звучал устало и печально. — Кто вам рассказал про дачу? Вы сами не должны были этого вспомнить. Блокада памяти была очень надёжной.

— Никто не рассказывал, — сказала Анна. — Я услышала это от себя самой. На видеозаписи. Та, другая, говорила с Андреем. Она сказала, что он раскопал правду о той ночи. И что он заплатил за это.

Рихтер поморщился, как от зубной боли.

— Бедный Андрей, — вздохнул он. — Он так хотел вам помочь. Он пришёл ко мне полгода назад. Сказал, что вы перестали быть собой, что по ночам вы ведёте себя как чужой человек. Он был хорошим мужем. Он хотел вернуть вас, вытащить из лап этого... конструкта.

— Конструкта? — переспросила Анна.

— Да, Анна. То, что живёт внутри вас, — это не полноценная личность. Это защитный механизм. Мы называем это

Анима. Ваш Анима появилась очень давно, когда с вами случилась беда. Она взяла на себя всю боль, весь гнев, всю память о травме, чтобы ваше сознание не разрушилось. Она — ваш страж. И ваш палач. Пока вы спите или испытываете стресс, она берёт контроль, чтобы «навести порядок». В самом буквальном смысле. Она устраняет любые источники хаоса и угрозы. Андрей, к сожалению, стал для неё угрозой, потому что он слишком близко подобрался к тайне.

— Что за тайна? — голос Анны дрожал. — Что случилось на даче? Я убила кого-то?

Рихтер открыл папку. На первой странице была детская фотография Анны, та самая, что висела на доске в подвале. Рядом был приколот пожелтевший вырез из газеты. Заголовок гласил: «Трагедия на озере: ребёнок найден мёртвым, подозреваемая — десятилетняя девочка».

— Летом, когда вам было десять, — начал профессор тихим, монотонным голосом, — вы отдыхали с родителями на даче. Там же отдыхала семья вашего дяди — его жена и ваш двоюродный брат, Илья. Ему было четыре года. Вы играли у озера. Родители были в доме, пили чай. А потом Илья пропал. Его искали три дня. Нашли в лесном овраге, с проломленной головой. Экспертиза установила, что удар был нанесён камнем, который нашли рядом. На камне были ваши отпечатки пальцев.

Анна почувствовала, как всё вокруг поплыло. Перед глазами вспыхнули образы: смеющийся мальчик в смешной па-

намке, солнечные блики на воде, камень в детской руке. И крик. Долгий, не смолкающий крик, который она, кажется, слышит до сих пор.

— Вы ничего не смогли объяснить следователям, — продолжал Рихтер. — Вы просто впали в кататонический ступор. Врачи диагностировали острую реакцию на стресс, перешедшую в диссоциативную фугу. Ваша личность расщепилась. Та маленькая девочка, которая играла с братом, осталась внутри. А снаружи сформировалась Анима — хладнокровная, расчётливая, помешанная на чистоте и порядке. Она «убрала» проблему, как мусор. И с тех пор она «убирает» всё, что угрожает вашей стабильности. Каждую ночь она наводит чистоту. И когда Андрей начал собственное расследование, пытаясь доказать вашу невиновность, он подписал себе приговор.

В кабинете повисла тишина. Анна смотрела на свои руки — те самые, что двадцать лет назад держали камень. Руки убийцы. Слезы беззвучно катились по её щекам.

— Но я не помнила, — прошептала она. — Я действительно не помнила. Как же мне жить с этим теперь?

Рихтер подошёл к ней и положил руку на плечо.

— Терапия была направлена на интеграцию, Анна. Мы хотели объединить вас с Анимой, чтобы вы приняли свою тёмную сторону, научились её контролировать. Но процесс вышел из-под контроля. Анима не хочет интеграции. Она считает вас слабой и хочет полного господства. Ваш днев-

ник, эти записи... Это игра. Она провоцирует вас, заставляя вспомнить, чтобы сломать окончательно. Она оставляет вам кровавые следы, как кошка — мышь. Потому что теперь, когда Андрей устранён, единственная угроза, оставшаяся в доме, — это вы. Настоящая Анна. Она придёт за вами ближайшей ночью, чтобы «навести порядок» в вашем сознании раз и навсегда.

Анна подняла заплаканные глаза.

— Как её остановить? Должен быть способ.

— Способ есть, — Рихтер понизил голос почти до шёпота. — Но он опасен. Нужно спровоцировать встречу лицом к лицу. Нужно заставить Аниму проявиться в состоянии вашего бодрствования. Обычно она выходит только когда вы спите или находитесь без сознания. Но если создать экстремальную ситуацию, угрозу для тела, которое она так рьяно оберегает, она будет вынуждена взять управление. И тогда у вас будет шанс поговорить с ней. Или уничтожить её.

Анна вытерла слёзы. В голове у неё созрел план. Безумный, страшный, но единственно возможный.

— Я вернусь в дом, — сказала она. — Ночью она захочет завершить начатое. Она не знает, что я всё выяснила. Я подготовлю ловушку. Я встречу её с револьвером в руке. Если договориться не получится, я убью нас обоих. Это лучше, чем продолжать быть чудовищем.

Рихтер хотел возразить, но Анна уже встала и направилась к двери. Она знала, что профессор попытается её остановить

или вызовет санитаров, поэтому почти бегом покинула клинику и села в машину. Ей нужно было домой, пока не стемнело.

До заката оставалось два часа. Анна гнала автомобиль по пустеющему шоссе, сжимая руль до побелевших костяшек. В багажнике, завёрнутый в промасленную тряпку, ждал своего часа револьвер. В голове, сменяя друг друга, проносились обрывки воспоминаний, которые хлынули наружу, как вода сквозь прорванную плотину. Смех Ильи. Запах хвои. Кровь на камне. И ледяной, успокаивающий голос внутри: «Мы всё исправим. Мы уберём грязь».

Она въехала во двор, когда солнце уже коснулось верхушек сосен. Дом встретил её всё той же стерильной тишиной. Но теперь Анна знала, что это не просто тишина. Это ожидание. Она открыла багажник, достала револьвер и спрятала его в карман плаща. Войдя в дом, она демонстративно громко заперла дверь, прошла на кухню и выпила стакан воды. Записки на столе не было. Блокнот лежал раскрытым, и на чистой странице красовалась свежая надпись, сделанная нетвёрдым, детским почерком, которого Анна раньше не видела:

«Ты всё вспомнила. Умница. Сегодня ночью мы наконец станем единым целым. Навсегда».

Анна сглотнула комок. Она знала, что это не блеф. Подвал, операционная, скальпели — всё было готово для финального акта. Она не стала спускаться вниз. Вместо этого

она поднялась в спальню, достала из шкафа всё тот же планшет, настроила его на прямую трансляцию в облако, чтобы в случае её гибели правда осталась где-то за пределами этого проклятого дома. Затем она села в кресло в углу спальни, положив револьвер на колени, и уставилась на дверь.

Смеркалось. Тени в комнате становились длиннее, темнее, они словно тянули к ней свои щупальца. Анна не зажигала свет. Она ждала, вслушиваясь в звуки просыпающегося дома. Где-то внизу скрипнула дверь в подвал. Потом раздались шаги — медленные, размеренные, поднимающиеся по лестнице. Шаги приближались к спальне. Анна взвела курок. Дверная ручка дрогнула и начала медленно поворачиваться.

В щель просунулась рука. Её собственная рука, с безупречным маникюром. В руке был зажат большой кухонный нож. Анна подняла револьвер и прицелилась в дверной проём.

— Заходи, — произнесла она твёрдым, неожиданно спокойным голосом. — Нам есть о чём поговорить.

Глава 3. Лицом к лицу

Дверь отворилась медленно, со слабым, протяжным скрипом, который, казалось, тянулся целую вечность. Анна задержала дыхание, вжимаясь спиной в спинку кресла. Палец, лежащий на спусковом крючке револьвера, слегка подрагивал, но ствол оружия был направлен точно в центр дверного проёма, туда, где через мгновение должна была появиться фигура её ночного кошмара.

Сначала в комнату шагнула рука, держащая нож. Та самая, с безупречным маникюром, с тонкой серебряной цепочкой браслета на запястье. Рука Анны. До последней чёрточки, до родинки на сгибе большого пальца. Затем показалось плечо, закутанное в шёлк её любимой ночной сорочки цвета слоновой кости. И наконец, в комнату вошла она сама.

Анна смотрела на женщину, остановившуюся на пороге, и чувствовала, как реальность трещит по швам, как лёд под ногами, слишком тонкий, чтобы выдержать вес рассудка. Это была не галлюцинация и не отражение в зеркале. Перед ней стояла точная её копия, живая, дышащая, существующая в трёх измерениях. Те же черты лица, тот же рост, та же причёска — тёмные волосы, небрежно собранные в низкий пучок. Но выражение лица было иным. Чуждым. Глаза, которые должны были смотреть с испугом или мольбой, смотрели холодно, оценивающе, с лёгким оттенком скуки, словно

происходящее было для неё лишь досадной помехой в рутинном расписании ночной смены.

— Опустит револьвер, Анна, — произнесла она голосом, который был её собственным и в то же время совершенно чужим. Интонации были плавными, обволакивающими, как у змеи, гипнотизирующей жертву. — Ты же знаешь, что не выстрелишь. Ты никогда не умела доводить дело до конца. Для этого всегда была я.

Анна сглотнула и крепче сжала рукоять револьвера. Металл нагрелся от её ладони и теперь казался почти горячим. Слова двойника задела какую-то глубоко спрятанную струну, но она подавила дрожь.

— Не подходи, — сказала Анна, и собственный голос показался ей чужим, тонким, дрожащим, как натянутая струна. — Я выстрелю. Клянусь, я выстрелю.

— В кого? — женщина с ножом сделала шаг вперёд, и лунный свет, лившийся из окна, упал на её лицо, выхватив из темноты тонкую, ироничную усмешку. — В меня? Или в себя? Мы ведь с тобой одно целое, дорогая. Ты знаешь это не хуже меня. Пуля, выпущенная в моё сердце, пройдёт и твоё. Ты готова умереть, Анна? По-настоящему, без истерик и показного героизма?

Она сделала ещё шаг. Теперь их разделяло не больше двух метров. Анна чувствовала запах, исходивший от двойника. Это был не лавандовый аромат чистящего средства, который преследовал её каждое утро. Это был запах её собственных

духов, «Жасмин и Белый Мускус», но с какой-то новой, тревожащей нотой — запахом озона, как после грозы, и ещё чем-то, что Анна не могла распознать. Запахом холодной земли и прелых листьев.

— Кто ты? — прошептала Анна, не опуская револьвера.

— Что ты такое?

Женщина остановилась и склонила голову набок, изучая Анну, как энтомолог изучает редкую бабочку, приколотую к бархату. Нож в её руке чуть покачивался, лезвие ловило лунные блики и отражало их на стены, рисуя пляшущие тени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.